

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.41>

Извеков Аркадий Игоревич

[На грани науки и религии: историческая трансформация структур сознания как движение к свободе](#)

Цель исследования - создание философской модели исторической динамики взаимосвязи структур сознания и структуры личности. В ходе работы были сопоставлены положения европейской метафизики XIX-XX вв., данные отечественной и зарубежной теории сознания, психолого-философские положения концепции структуры личности. Научная новизна состоит в том, что подобная постановка вопроса позволила практически впервые выявить наиболее существенные факторы, затрудняющие формирование системы экзистенциальных смыслов человека и влияющие на такие социальные институты, как право, образование, религия. Полученная в результате исследования модель дает возможность проинтерпретировать понятие "духовная свобода" в контексте "десигнативной" концепции системы личностных смыслов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/41.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 226-231. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Cult of Sport in England: History of Formation

Zhuneva Ekaterina Sergeevna

Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences, Novosibirsk
ekaterinazhuneva@yandex.ru

The paper aims to reveal essence of the cult of sport in England. The research problem is as follows: historical development of sport and its assertion as a national symbol. The author tries to prove that the English national sport represents the basic features of the national character. It is shown that the national sport influences directly the process of the national spirit formation. Scientific originality of the study lies in the fact that sports games are analysed from the viewpoint of their cultural value at different stages of the nation formation. The research findings are as follows: the author reveals specificity of the "sport" concept in the English language, identifies certain features of the English national character, justifies key importance of sport as an element of the national culture.

Key words and phrases: cult of sport in England; cultural value; national symbol; mentality.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.41>

Дата поступления рукописи: 04.09.2020

Цель исследования – создание философской модели исторической динамики взаимосвязи структур сознания и структуры личности. В ходе работы были сопоставлены положения европейской метафизики XIX-XX вв., данные отечественной и зарубежной теории сознания, психолого-философские положения концепции структуры личности. *Научная новизна* состоит в том, что подобная постановка вопроса позволила практически впервые выявить наиболее существенные факторы, затрудняющие формирование системы экзистенциальных смыслов человека и влияющие на такие социальные институты, как право, образование, религия. *Полученная в результате исследования модель* дает возможность проинтерпретировать понятие «духовная свобода» в контексте «десигнативной» концепции системы личностных смыслов.

Ключевые слова и фразы: сознание; структура личности; трансцендентальное условие сознания; система личностных смыслов; духовная свобода.

Извеков Аркадий Игоревич, д. филос. н., доц.

Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург
Arkady.Izvekov@gmail.com

На грани науки и религии: историческая трансформация структур сознания как движение к свободе

Актуальность исследования предопределена нерешенностью множества вопросов, связанных с таким явлением, как сознание человека. Действительно, в мире нет ни одного явления, которое было бы одновременно столь самоочевидно и столь же сложно для исследования. Сознание «неизмеримо», а его структура не фиксируется любыми средствами знания. Единственный инструментарий для формулировки представлений о нем как о целостном феномене – создание умозрительных моделей на основе эмпирических данных о поведении человека. По замечанию В. Аллахвердова, все подобные модели – «карикатура на реальность» по той причине, что интеллектуальное представление об объекте сличить с ним самим невозможно [3]. И современная нейрофизиология, и психология, и многообразные направления научной гуманитаристики даже не пытаются поставить под сомнение бесспорный факт: единственным субстратом сознания является мозг. Вместе с тем до сих пор не существует универсального научно-доказательного объяснения целому ряду явлений сознания, исходя только из физиологии мозга.

Следовательно, осуществление исследования требовало решения ряда *задач*, таких как разработка принципов моделирования структур сознания и личности, верификация данной модели приведенными в мировой литературе научными данными, выстраивание собственного концептуального видения проблемы, изучение комплекса теоретических представлений об историческом изменении структуры личности и современном состоянии вопроса. Для решения данных задач применяются следующие *методы* исследования:

- типологический, на его основе представлено системное видение структур сознания и личности;
- социально-психологический, позволивший сопоставить объективные историко-культурные процессы в обществе и субъективные механизмы их отражения на уровне индивидуального сознания и бессознательных явлений психики;
- сравнительно-исторический, на его основе осуществлена дифференциация механизмов взаимовлияния структур личности и социальных институтов.

Истоки *теоретической базы* исследования могут быть усмотрены еще в философии Р. Декарта [6]. Историческая последовательность развертывания проблематики связана с такими именами, как Дж. Локк, И. Кант,

В. Виндельбанд, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, З. Фрейд, К.-Г. Юнг. Однако промежуточный итог, подведенный в наши дни, не слишком обнадеживает. По замечанию Д. Чалмерса, например, проблема сознания остается неразрешимой, так как причины возникновения «внутреннего опыта» (experience) до сих пор научно не взаимообусловлены когнитивными и поведенческими функциями [21].

Сейчас принято полагать, что «внутренний опыт» как существеннейшая часть сознания «складывается» из осмысленных ментальных состояний, так называемых квалиа (qualia) [29]. Ф. Джексон ввел достаточно четкое разграничение «структуры квалиа»: на первую «ступень» восприятия – телесные ощущения – надстраивается вторая, не являющаяся частью физической информации об объекте [27]. Но действительно «трудной проблемой сознания», о которой Чалмерс заявил еще в 1995 г., является ответ на вопрос: каким образом «квалиа второго порядка» приобретают еще и смысловое содержание?

Н. Блок предположил существование двух видов сознания: «сознание-доступ» (access consciousness), обладающее функционально-когнитивными свойствами, и «феноменальное сознание» (phenomenal consciousness), обладающее качеством восприятия квалиа [26]. При этом Блок полагает, что в настоящее время в основном исследуется сознание-доступ, в то время как феноменальное сознание недоступно для изучения и, как следствие, игнорируется.

Позиции Чалмерса и Блока близки. Их можно проинтерпретировать так, что «сложным» предстает не столько объяснение возникновения уровней квалиа, сколько способность сознания превратить квалиа в предмет «самоисследования». Следовательно, действительно «трудной» является не проблема «первого порядка» – вопрос о физиологических причинах возникновения ментальных состояний, и даже не проблема «второго порядка» – интерпретация способности сознания представить ментальные состояния как определенные личностно переживаемые качества. На сегодняшний день действительно необъяснимо, как оказывается возможным превращение «внутреннего опыта» в объект самоанализа, из которого проистекает его субъективно-смысловая интерпретация. Такие «сложные» вопросы, только кажущиеся вполне простыми: «почему возможен внутренний опыт?», «каковы процессы внутреннего опыта?», «каковы пределы внутреннего опыта?» и т.п. – передают необъяснимое следствие восприятия квалиа «третьего порядка». Провести прямую параллель между физиологией мозга и данной способностью пока невозможно. Поэтому не вызывает удивления заключение Дж. Левина: между материей и сознанием существует разрыв в объяснении [28].

Практическая значимость работы состоит в сопоставлении указанных теоретических основ с данными современной философии культуры. Философская антропология рассматривает сознание также как трехчастный феномен – совокупность рассудка, разума и самосознания. Рассудок отражает мир в категориях, понятиях и образах. Разум репрезентирует мир в виде его субъективной картины. В ней категории, понятия и образы взаимосвязаны посредством собственных «внутренних» правил – логики, понимаемой здесь в максимально широком смысле слова. Наконец, третий элемент – так называемое самосознание.

По выражению М. Мамардашвили, существование самосознания проявляется в ситуации присутствия сознания самому себе, и для его возникновения не требуется ни один внешний референт. Данное обстоятельство становится причиной беспрецедентной способности к трансцендированию – метальному выходу человека за границы и природного, и социального контекста [12], результатом чего является автономная от внешнего мира система личностных смыслов, придаваемых человеком предметным значениям рассудка и разума.

Несмотря на терминологические различия, и представление о восприятии квалиа «третьего порядка», и представление о «самосознании» указывают на одно и то же качество сознания, причина возникновения которого не имеет доказательного естественно-научного объяснения. Существо проблемы сознания в целом состоит в принципиальной нерешенности вопроса о необходимых и достаточных условиях возможности его возникновения. Уверенно можно констатировать только одно: необходимым условием его возникновения является мозг. Однако его наличие не является достаточным. Исчерпывающего неоспоримого ответа на этот вопрос не существует, а его отсутствие – пока непреодолимое условие методологической неопределенности.

Данное затруднение современной гуманитаристики имеет как минимум одну аналогию. Нечто подобное существует в современной астрофизике. Теоретическая необходимость существования неких видов материи и энергии очевидна, однако на их счет нет никаких эмпирических данных. При этом не существует даже приблизительного намека на то, какой должна быть новейшая парадигма их будущего исследования. Элегантным способом прикрыть методологический провал стало использование применительно к непознанным и все еще не познаваемым явлениям Вселенной прилагательного «темные».

Если применить подобный прием и к проблеме интерпретации сознания, взгляд на нее радикально изменится. До тех пор, пока возникновение самосознания не имеет исчерпывающего научного объяснения, гипотетически возможно допустить, что для его возникновения, кроме известных функций мозга, необходимо еще какое-то, пока не познанное, условие. И так как нельзя даже предположить, чем оно могло бы являться, удобнее всего определить его как «темное». Кто знает, впоследствии в качестве такового могут быть установлены не выявленные пока нейрофизиологические процессы, и неисследованные когнитивные функции, и что угодно еще. Однако при любых непредставимых поворотах будущих исследований на сегодняшний день мы имеем дело с неопределенностью, в которой любые гипотезы кажутся равновероятными. Признание неопределенности есть не что иное, как признание демаркации границы между современной наукой и религией. А попытка наступления с любой из сторон – симптом ментальной «агрессии», ставящей личность в крайне затруднительное положение принужденности к выбору.

«Темное» условие возможности возникновения сознания напрямую связано с системой личностных смыслов, являющейся важнейшим следствием восприятия квалиа «третьего порядка» или самосознания. Смысл в данном случае понимается не как предметное значение тех или иных суждений, а как чувство индивидуально воспринимаемой особой важности явлений [4; 15; 16]. Суть различия предметных значений и личностных смыслов выявил А. Леонтьев [11]. Под значением он понимает генерализированное отражение реальности, возникающее в ходе исторического становления человека и оформленное в абстрактном понятийно-категориальном аппарате знания. Личностный смысл, напротив, фиксирует конкретное отношение к явлениям внешнего мира. В нем обобщаются индивидуальные формы интериоризации личностью многообразных систем объективного знания.

Система личностных смыслов обладает рядом беспрецедентных признаков. Во-первых, скрупулезное изучение процессов, протекающих в мозге, не объясняет причины возникновения смысловой сферы личности. Между тем она, как продукт мозга, может мотивировать человека к действиям, противоречащим условиям сохранения субстрата сознания. Во-вторых, самосознание автономно по отношению к процессам социализации. Его формирование невозможно представить вне каналов социального взаимодействия, однако именно сознание может заставить человека противопоставить себя всем без исключения социальным взаимосвязям. В-третьих, происхождение целого ряда установок системы личностных смыслов невозможно связать и с эмпирически постигаемым миром. Ни одно из явлений природного мира само по себе не содержит абсолютно никакой человечески-смысловой «нагрузки». Самосознание приписывает им таковую, исходя только из самого себя.

Данные обстоятельства вновь обращают к мысли, что возникновение системы личностных смыслов невозможно без беспрецедентной способности сознания сделать предметом осознания саму возможность осознать мир, то есть благодаря операции, не имеющей референта в мире. Для обозначения данной способности сознания пока еще не придумано лучшего «имени», чем определение Канта – «трансцендентальное» [10]. Его содержание в современных философско-психологических исследованиях структур сознания значительно уже. Оно – всего лишь средство формализации проблемы «темного условия», не редуцируемого к любым известным физиологическим, социальным или природным явлениям и не фиксируемого методами современного знания. Тем не менее самоочевидная способность самосознания продуцировать систему личностных смыслов может быть представлена как трансцендентальная.

Все перечисленные обстоятельства непосредственно сказываются на таких важнейших характеристиках личности, как идентичность и динамическая система смыслов [8; 23-25]. Одна из главных потребностей человека (рефлексируемая или нет) – это уверенность в истинности смыслов личностной системы. В случае экзистенциальных, влияющих на нравственную картину мира смыслов человек, как правило, нуждается во внешней системе знаков, репрезентирующих универсальный критерий идентификации «истинного» варианта. Однако за последние полтора столетия произошел все более ощутимый сдвиг доверия от внешних систем к субъективному внутреннему решению [5]. Причины данного обстоятельства практически игнорируются современной гуманитаристикой, если только не принимать во внимание совершенно не институализированное понятие «экзистенциального переворота».

Тем не менее ряд обстоятельств более или менее представим. Как минимум можно предположить, что критерий истинности смысловых продуктов самосознания в прагматическом и экзистенциальном смысловых полях определяется человеком различными способами. В обоих случаях смысловые системы апеллируют к денотату – «единице» языка, соотносимой с неким значением – объектом действительности, воспринимаемым как его реальная и неотъемлемая часть. Для прагматического смыслового «поля» это будут «деньги», «прибыль», «статус», «успех» и т.п. Для экзистенциального – «бог», «всеобщий нравственный принцип», «универсальная цель мира», «безраздельный смысл бытия» (эталонным вариантом является, например, аристотелевская концепция Перводвигателя – причины всех причин, источника всех цепей причинения, – не нуждающегося при этом ни в какой причине).

Подобные денотаты экзистенциального смысла воспринимались и как объективно данные, и как ясно схваченные человеческой рефлексией. Соответственно, выстраиваемая на их основе нравственная картина мира отличалась универсальностью и устойчивостью. Наиболее показателен в данном случае пример средневекового мировосприятия [1], вопрошание о денотате в котором было ограничено «предельным», «последним» вопросом о форме и содержании Абсолюта (Бога), являвшегося причиной всех причин, не нуждающейся в собственном причинении.

Суть принципиальной трансформации природы человека [14; 22], произошедшей в XX столетии, сформулировал М. Хайдеггер [20]. Ускользающий от обыденного взора смысл тектонического сдвига человеческого отношения к простым и, казалось бы, самоочевидным вещам ему удалось передать наиболее глубоко. XX век проложил «мост» от первого трансатлантического кабеля к мобильному телефону, Интернету и бог весть к чему еще. Мы все это принимаем как данность. Однако рассматриваемый нами калейдоскоп фактов – всего лишь искрящийся экран, за которым скрывается тайная причина неуклонно меняющихся картинок. И как бы ни хотелось надеяться, она, в отличие от детской игрушки, не в силе наших рук.

Одно из главных хайдеггеровских слов – «бытие», совокупное существование всего сущего. Оно, возможно, сохранит память о каждом человеке. Однако в любом случае, «если смотреть от бытия», человек для бытия не будет слишком важным. Тогда возникает другой вопрос, на самом деле самый главный с точки зрения каждого конкретного человека: а зачем он невесте кем или чем вызван в бытие? Это открытый вопрос, на него нет точного ответа. Ясно только, что так заявляет о себе неразрешимая проблема смысла жизни. И тут же становится очевидно, что смысл слов о бытии и смысл слов о смысле жизни – далеко не одно и то же.

С бытием явлений и вещей ничуть не проще. Одни из них существуют сами по себе, и есть вещи, которые созданы только человеком. Есть и еще более сложные нюансы бытия – это отношения. Отношения между людьми, людьми и социальными институтами, людьми и вещами. Есть, то есть бытийствуют, пребывают в бытии, справедливость, совесть, красота, уродство, подлость...

Каждый конкретный человек, осмысленно или нет, вдумчиво или автоматически, выступает в бытии как совершенно автономная, самостоятельная «единица». И каждый обладает способностью размышлять о мире, о своем месте в нем своим неповторяющимся способом. Именно сознание воспроизводит и хранит то, как человек воспринял утро нового дня, как ощутил радость от встречи с близкими, как пережил хамство в метрополитене, как испытал горечь утраты... Мир для каждого человека – это, прежде всего, картина мира, нарисованная сознанием. Так раскрывается человеческая способность поставить вопрос о смысле, вопрос о личности в картине мира, воссозданной сознанием. Хайдеггер сказал об этом очень просто, это решение вопроса: «А зачем?».

Каковым бы ни был ответ, в нем неизменно содержится глубинный «код». Непроизвольно, никогда не отклоняясь от собственного правила, действующего по умолчанию, «код» выставляет человеческую позицию по отношению к бытию. Потенциально эта позиция бинарна, то есть состоит из двух разных установок [17].

Согласно первой – человеческая жизнь понимается лишь как частное проявление до конца так и не познанных правил бытия. Стало быть, человеку нужно выучить урок на тему о том, что они могли бы собой представлять, и научиться им соответствовать. Этому завету следовали древние египтяне, греки и римляне. Им руководствовались человек Средневековья и даже наши недалекие предки из XIX века. За помощью в ответе они обращались в место, которое во всех религиях мира обозначено словом «храм». Для современного человека храмом может стать не обязательно церковь, но безотносительно к месту вопрошания о смысле человек «первой установки» будет думать о том, как в ходе своего необратимого бытия обрести исключительное право на экзистенциальную осмысленность собственного бытия. В просторе подобного вопрошания человек современного общества совершенно свободен [2; 13; 18; 19].

Вторая установка сосредоточена только внутри процесса человеческого существования и трактует бытие как нечто, данное в управление. Оно должно подчиниться требованиям человека с тем, чтобы принести как можно больше удовольствия. Проще говоря, эта установка состоит в том, чтобы прожить наиболее комфортно. Для нее тоже существует «храм», гротескная метафорическая форма которого воплощена в образе операционного зала крупного банка.

Между полюсами этих установок существует множество иных. И все их многообразие не что иное, как предмет веры. Истина о любом варианте сокрыта от любого человека. Совсем не случайно Хайдеггер не предпринял ни одной попытки ее отыскать. Тем не менее опротестовать очевидное невозможно: в любой из установок доминирует один из двух абсолютно не совпадающих друг с другом «кодов» отношения к бытию. Это либо благоговение перед ним, перед его неразгаданной тайной, либо прагматический пиетет к нему исключительно как к средству существования. Благоговение дает возможность воспринять мир как цель. В качестве ответного дара – возможность пережить вдохновляющее чувство собственного достоинства. Представление о бытии как о средстве попирает само понятие возвышенности человеческого, выставляя главным примитивное, животное начало.

Хайдеггер говорит о перевороте, как ему кажется, произошедшем не с человеком, но с человечеством. Суть этого переворота – в тотальном обращении к прагматической позиции потребления и приспособления мира под себя. Подобная перемена в отношении к миру и есть тот самый тектонический сдвиг человеческого восприятия бытия, о котором столь трудно воспринимаемыми, но такими искренними словами сказал Мартин Хайдеггер.

Произошедшая в кризисе европейской культуры смена способов «верификации» экзистенциальных смыслов предопределила принципиально новое положение субъекта в мире. Однако она не затронула принципы прагматического самоопределения человека. Ныне, как и тысячи лет назад, для определения верного направления своего включения в процесс воспроизводства средств существования достаточно определиться в категориях благополучия. Но экзистенциальная сфера личности кардинально трансформировалась. Так называемый «экзистенциальный переворот», первые симптомы возникновения которого фиксируются приблизительно полтора столетия назад, оказался сопровождаемым ситуацией неопределенности смысла, не преодоленной до сих пор. И один из ее самых существенных признаков – перевод денотатов экзистенциального смысла в разряд десигнатов, то есть предикатов, содержание которых воспринимается сознанием человека как нечто, не имеющее конкретного референта в мире.

Новое положение субъекта отражено глобальным спектром вопросов, не имеющих однозначного ответа. Каково истинное происхождение человеческого сознания? Правомерен ли запрос человека на экзистенциальный смысл? Есть ли оправдание подчинению человека социальным институтам? Существует ли цель человечества? Ни один из вопросов гуманитаристики, сформулированных таким образом, не имеет варианта ответа, апеллирующего к денотату, за которым прочно покоится несомненный элемент реальности. Естественнонаучное знание вышло к своим мировоззренческим пределам, связанным с неразрешимостью проблем Большого взрыва, темной материи и энергии. Знание в целом, как только речь заходит о человеческом вопрошании экзистенциального смысла, оперирует не денотатами, а десигнатами – словами, за которыми более не просматривается несомненный объект реальности. По большому счету современная гуманитаристика не выработала единого термина, исчерпывающе трактующего данное состояние человека. А единственное словосочетание, устоявшееся в данном контексте, – «духовная свобода» – уже не может считаться достаточно актуальным.

Ответы на вопросы, не имеющие денотата, индетерминированы. Такое вопрошание не может быть адресовано к объекту, «ответственному» за решение человеческой задачи определиться со смыслом существования. Устаревшие слова и словосочетания об «экзистенциальных денотатах» превратились в знаки, хотя и имеющие смысл, но утратившие свое значение. Подобные знаки указывают на десигнат как объект, который может считаться реально существующим в человеческой мысленной надежде, но в бытии не обнаруживаемый. Десигнативное поле постуляции экзистенциального смысла возможно, но оно всегда будет отличаться нестабильностью. Единственным бесспорным фактом на настоящий период времени мы можем признать только лишь право человека на десигнативную форму отношения к нравственному содержанию мира. Иначе говоря, нравственное самоопределение человека в современном мире предопределено самодостаточностью самосознания в отыскании ответа на вопрос «а зачем?». И это есть новый, пока еще практически не исследованный вид свободы личности, а наступление на данную форму есть не что иное, как новый вид скрытой диктатуры.

Основной *вывод* исследования состоит в признании: исторический переход самосознания к «десигнативной» системе личностных смыслов беспрецедентен. Он предопределил впечатляющий ряд вызовов множеству социальных институтов. Прежде всего, это относится к праву, воспитанию и религии. Духовная свобода как индетерминированность восприятия квалиа «третьего порядка» никаким образом не кодифицирована. Даже те политические системы, которые считаются эталонами демократизма, де-юре не принимают в расчет новейшее состояние личности. Провозглашенные политические права и свободы человека никак не трактуют эмансипированную от внешних обстоятельств сферу самосознания, способную к спонтанному формированию экзистенциального смысла. И это при том, что все известные до XX века исторические формы идеологий провозглашали и делали прямо противоположное.

Как следствие, современные социальные институты образования утрачивают воспитательную функцию [7]. Правовой вакуум «третьего порядка» все еще позволяет сформулировать понятие гражданина, однако смысл чувства патриотизма оказывается все менее определенным. С одной стороны, общество не может оставаться индифферентным к данному положению. С другой – в условиях некодифицированности состояния духовной свободы любое императивное вторжение в экзистенциальную сферу личности может обернуться необратимыми последствиями протеста со стороны индивида.

В ситуации экзистенциальной неопределенности, которая остается игнорированной социальными институтами, многие конфессии видят возможность для упрочения своих позиций. В вакууме, образованном несостоятельностью права и социальных систем воспитания, они безотчетно видят перспективу контр наступления на духовную свободу человека. Тем более что ее перверсии, исследованные еще в середине XX столетия Франкфуртской школой, и в самом деле часто предстают и как духовная деградация, и даже как ниспровержение идеалов гуманизма. Но границу, образованную пределом научного познания структур человеческого сознания и следующей за ним верой в неопределенность происхождения личностной системы смыслов, искусственно преодолеть невозможно. Человек теперь если и предпочтет ничем не удостоверяемую ясность канонического смысла неопределенности его экзистенциального состояния, то сделает это самостоятельно. Любое религиозное давление на личность чревато эффектом, радикально противоположным нравственному увещанию [9].

Хотим мы это признать или нет, но проблема «темного» условия возникновения сознания оказывает значительное, если не решающее, воздействие на дальнейшую историческую динамику норм кодифицированной и некодифицированной морали, методов воспитания личности, веры человека в лучшее. И чем скорее будет выработан новый компромисс между социальными институтами науки и религии, тем скорее удастся выработать перспективную методологию обращения к новым поколениям с искренним и честным словом об их ответственности за сохранение идеи гуманизма на планете.

Список источников

1. **Абеляр П.** Теологические трактаты. М.: Прогресс; Гнозис, 1995. 413 с.
2. **Адорно Т.** Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000. 239 с.
3. **Аллахвердов В.** Сознание как парадокс. СПб.: ДНК, 2000. 528 с.
4. **Выготский Л.** Психология развития человека М.: Смысл; ЭКСМО, 2005. 1136 с.
5. **Голик Н., Извеков А.** Незавершенный проект просвещения: методологический аспект // Дискурс. 2018. № 2. С. 22-28.
6. **Декарт Р.** Рассуждение о методе; Метафизические размышления; Начала философии. Луцк: Вежа, 1998. 302 с.
7. **Извеков А.** Духовная свобода как индетерминированность формирования динамической системы смыслов личности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. 1. С. 103-108.
8. **Извеков А.** Междисциплинарное определение идентичности // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2015. № 177. С. 16-29.
9. **Извеков А.** Последствия трансформации европейской рациональности: кризис идентичности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. № 3 (53). Ч. 1. С. 99-103.
10. **Кант И.** Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 463 с.
11. **Леонтьев А.** Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 127 с.
12. **Мамардашвили М.** Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002. 359 с.
13. **Маркузе Г.** Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 318 с.
14. **Ницше Ф.** Сочинения: в 3-х т. М.: REFL-book, 1994. Т. 1. Воля к власти. 299 с.
15. **Франкл В.** Воля к смыслу. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2000. 401 с.

16. Франкл В. Десять тезисов о личности // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2005. № 2. С. 4-13.
17. Фрейд З. Я и ОНО; По ту сторону принципа удовольствия. М. – Харьков: АСТ; Фолио, 2007. 364 с.
18. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя. Мн.: Попурри, 1998. 459 с.
19. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Прогресс, 1990. 268 с.
20. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 239 с.
21. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС; ЛИБРОКОМ, 2015. 512 с.
22. Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление: в 2-х т. М.: Наука, 1993. Т. 1. 496 с.; Т. 2. 518 с.
23. Щеголев А. Чем платит человечество за перерождение культуры в цивилизацию: о бинарной структурной модели психического аппарата // Санкт-Петербургский университет. 1997. № 9. С. 24-27.
24. Эрикссон Э. Трагедия личности. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. 253 с.
25. Юнг К. Г. Трансцендентальная функция // Юнг К. Г. Избранное. Мн.: Попурри, 1998. С. 19-52.
26. Block N. The Puzzle of Perceptual Precision // Open Mind. Frankfurt am Main: MIND Group, 2015. P. 4-52.
27. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // The Philosophical Quarterly. 1982. Vol. 32. № 127. P. 127-136.
28. Levine J. Materialism and Qualia: The Explanatory Gap // Pacific Philosophical Quarterly. 1983. № 64. P. 354-361.
29. Lewis C. I. Mind and the World Order: Outline of a Theory of Knowledge. N. Y.: Dover Reprint, 1956. 456 p.

On the Cusp between Science and Religion: Historical Transformation of Consciousness Structures as Move towards Freedom

Izvekov Arkadiy Igorevitch, Dr

Russian Christian Academy for the Humanities, St. Petersburg

Arkady.Izvekov@gmail.com

The study aims to build a philosophical model showing historical dynamics of relationship between consciousness structures and personality structure. The work contrasted ideas of the European metaphysics of the XIX-XX centuries, data of the Russian and foreign consciousness theories, psycho-philosophical elements of the personality structure concept. The study is novel in that this is practically the first time when stating the issue in such a way has allowed the researcher to identify the most significant factors hampering formation of a system of the man's existential meanings and influencing such social institutions as law, education and religion. A model, built as a result of the research, gives an opportunity to interpret the notion of "spiritual freedom" in the context of the "designative" concept of the system of personal meanings.

Key words and phrases: consciousness; personality structure; transcendental condition of consciousness; system of personal meanings; spiritual freedom.